

УДК 94(470.47)

ИМПЕРСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БУДДИЙСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Мучаева Ирина Ивановна

кандидат исторических наук

Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова,

Элиста, Российская Федерация

E-mail: imuchaeva@mail.ru

Халхинов Виктор Петрович

Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова,

Элиста, Российская Федерация

E-mail: vkhalkhinov@mail.ru

А н н о т а ц и я

В статье реконструируется эволюция административной процедуры согласования строительства буддийских культовых объектов в Калмыцкой степи в XIX–начале XX в. На основе материалов Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Калмыкия, включая проектно-сметную документацию, авторы прослеживают переход от правовой неопределенности периода до 1847 г. к формализованной процедуре, закрепленной статьей 205 «Положения об управлении калмыцким народом», и последующему ужесточению контроля через подзаконные акты. Авторы обосновывают тезис о том, что имперское регулирование буддийской инфраструктуры развивалось не «сверху вниз» (от закона к практике), а «снизу вверх» (от практики к норме), что противоречит устоявшимся в историографии представлениям о жестком законодательном диктате. Установлено, что основным инструментом ограничения выступала не прямая запретительная мера, а административная волокита: многоэтапное согласование и подготовка сложной документации значительно повышали транзакционные издержки строительства. В работе выявлен комплекс адаптивных стратегий буддийской общины, включающий верноподданническую риторику, использование механизмов самоуправления, комбинированное финансирование и апелляцию к прецедентам. В заключение делается вывод о том, что калмыцкая буддийская община успешно освоила бюрократический инструментарий империи, используя его для защиты своих интересов, что позволяет пересмотреть традиционный взгляд на буддийскую церковь как на пассивный объект имперского воздействия.

Ключевые слова

Буддизм, хурул, молитвенный дом, храм, цаца, суварган, Калмыцкая степь, Астраханская губерния, лама калмыцкого народа.

UDC 94(470.47)

IMPERIAL REGULATION OF BUDDHIST INFRASTRUCTURE IN THE KALMYK STEPPE OF THE ASTRAKHAN PROVINCE IN THE XIX–EARLY XX CENTURIES

Irina Ivanovna Muchaeva

National Museum of the Republic of Kalmykia named after N.N. Palmov,
Elista, Russian Federation
E-mail: imuchaeva@mail.ru

Viktor Petrovich Khalkhinov

National Museum of the Republic of Kalmykia named after N.N. Palmov,
Elista, Russian Federation
E-mail: vkhalkhinov@mail.ru

Annotation

The article reconstructs the evolution of the administrative procedure for coordinating the construction of Buddhist religious objects in the Kalmyk steppe in the 19th–early 20th centuries. Based on materials from the Russian State Historical Archive and the National Archive of the Republic of Kalmykia, including design and estimate documentation, the authors trace the transition from the legal uncertainty of the period before 1847 to a formalized procedure, enshrined in article 205 of the “Regulations on the management of the Kalmyk people”, and the subsequent tightening of control through by-laws. The authors substantiate the thesis that the imperial regulation of Buddhist infrastructure did not develop “from top to bottom” (from law to practice), but “from bottom to top” (from practice to norm), which contradicts the prevailing ideas in historiography about strict legislative dictates. It was established that the main instrument of restriction was not a direct prohibitive measure, but administrative red tape: multi-stage coordination and preparation of complex documentation significantly increased the transaction costs of construction. The work revealed a set of adaptive strategies of the Buddhist community, including loyal rhetoric, the use of self-government mechanisms, combined financing and an appeal to precedents. In conclusion, it is concluded that the Kalmyk Buddhist community has successfully mastered the bureaucratic toolkit of the empire, using it to protect its interests, which allows us to revise the traditional view of the Buddhist church as a passive object of imperial influence.

Key words

Buddhism, khurul, house of worship, temple, tsatsa, suvargan, Kalmyk steppe, Astrakhan province, lama of the Kalmyk people.

ВВЕДЕНИЕ

Регулирование строительства буддийских культовых объектов в Калмыцкой степи представляет собой одну из наименее изученных страниц истории взаимодействия Российской империи и ее инородческой периферии. Цель настоящего исследования — реконструировать эволюцию административной процедуры согласования строительства культовых объектов в Калмыцкой степи от начала XIX в. до начала XX в. и выявить стратегии адаптации, которые буддийская община вырабатывала в ответ на ограничительные меры имперских властей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниковую базу исследования составили материалы из фондов Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Калмыкия. Особое внимание уделено проектно-сметной документации, которая не только фиксирует факт строительства, но и раскрывает его технические аспекты — от форматов чертежей и цветовой маркировки до структуры смет.

Методология работы опирается на эволюционно-институциональный подход в сочетании с хронологическим принципом, что позволило проследить динамику изучаемых процессов. Исследование базируется на анализе конкретных кейсов, каждый из которых иллюстрирует способы решения проблем с учетом статуса вовлеченных акторов. Применение институционального анализа позволило реконструировать процедуру согласования строительства, выявив иерархию принятия решений и роль каждого института в этой системе.

ОБСУЖДЕНИЕ

Начальный этап формирования историографической базы по проблеме буддийской церкви в Калмыцкой степи неразрывно связан с деятельностью чиновников, миссионеров и востоковедов. Эти авторы выступали одновременно и как исследователи, и как проводники имперской политики (Нефедьев, 1834; Небольсин, 1852; Костенков, 1870; Позднеев, 1887; Житецкий, 1893). Именно их работы, основанные на полевых материалах, служат эмпирической базой для современных исследователей.

Второй этап, пришедшийся на советский период, характеризуется акцентом на критике религии и анализе классовых отношений (Бурчинова, 1977; Эрдниев, 1980; Карагодин, 1987), но при этом и в этих работах имеют место описания, позволяющие реконструировать повседневный быт буддийских священников.

Современный этап является наиболее продуктивным. Так, в научный оборот вводится обширный корпус архивных источников, значительно расширяется тематика исследований, появляются не только фундаментальные монографии (Бакаева, 1994; Дорджиева, 2001; Басхаев, 2007; Сеницын, 2013; Курапов, 2021), но и статьи (Команджаев, Инджиева, Шиханов, 2023; Лиджиева, 2026; Бадмаева, 2026).

Несмотря на наличие богатой историографической базы, комплексные труды, посвященные законодательному регулированию буддийской инфраструктуры в рассматриваемый период, до сих пор отсутствуют. Это и предопределяет актуальность данного исследования

РЕЗУЛЬТАТЫ

В начале XIX в. представитель зайсангского рода Буюнтуковых Габун-гелюнг обратился к министру коммерции, графу Н. П. Румянцеву с просьбой оказать содействие в получении разрешения на строительство «молитвенного храма» близ Астрахани. Сообщение о высочайшем соизволении поступило на имя астраханского губернатора Д. В. Тенишева, который, выполняя предписанные административные процедуры, 7 июня 1806 г. уведомил главного пристава калмыцкого народа П. П. Крупинского о необходимости доставить письмо Габун-гелюнгу Буюнтукову, а также организовать его приезд в Астрахань для получения денежных средств.

Император Александр I выразил желание участвовать в возведении храма, пожаловав Габун-гелюнгу Буюнтукову 2 000 руб. (НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 1-1 об). Эта сумма в указанный период представляла собой значительное вспомоществование. На эти средства можно было покрыть основные расходы на строительные материалы, оплату труда подрядчиков и организацию подготовительных работ. Финансовая поддержка со стороны монарха имела не только практическое, но и символическое значение, демонстрируя готовность имперских властей учитывать религиозные нужды калмыцкого населения, при условии соблюдения установленного административного порядка и лояльности к государственной власти. Важно отметить, что процесс строительства буддийских культовых объектов не получил законодательной регламентации.

Во второй четверти XIX в. были приняты законодательные акты, регулировавшие жизнедеятельность калмыцкого народа: Правила для управления калмыцким народом (Правила для укрепления, 1830: 155–161) и Положение об управлении калмыцким народом (Положение об управлении, 1836: 18–40). Однако ни в одном из этих документов законодателем не были предусмотрены специальные положения, регламентирующие процедуру строительства культовых объектов. Отсутствие четкой нормативно-правовой базы порождало правовую неопределенность и приводило к формированию практики согласования подобных вопросов в порядке административного усмотрения.

Регулирование строительства и ремонта хурулов фактически складывалось на основе межведомственных взаимодействий и локальных распоряжений. Ключевую роль в этом процессе играли Управление калмыцким народом и до 1 октября 1848 г. Ламайское духовное правление. При этом отдельные аспекты, связанные с возведением религиозных сооружений, нередко затрагивались в циркулярных предписаниях и ведомственных инструкциях, но целостной, систематизированной процедуры законодательство того времени не предполагало. Так, духовенство Харахусовского улуса обратилось к Ламе калмыцкого народа с прошением о переносе молитвенного дома, располагавшегося на урочище Харцюглю, на полверсты от прежнего места — причиной послужило занесение здания песком. Одновременно духовенство испрашивало разрешение на строительство двух деревянных молитвенных домов. 25 июня

Лама калмыцкого народа, соглашаясь с обоснованностью просьбы верующих улуса, направил соответствующее ходатайство в Управление калмыцким народом. Исполнявший обязанности главного попечителя калмыцкого народа К. И. Оленич-Гнененко поручил улусному попечителю провести проверку и выяснить, насколько необходимы перенос существующего и строительство новых молитвенных домов (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 743. Л. 15–16). Складывавшаяся административная практика решения вопросов о ремонте и строительстве культовых объектов в дальнейшем послужила основой для правовой нормы.

Лишь с принятием высочайше утвержденного 23 апреля 1847 г. Положения об управлении калмыцким народом были впервые закреплены базовые механизмы согласования и контроля строительства культовых зданий, что позволило упорядочить ранее стихийно складывавшиеся практики. В главе IV, посвященной обязанностям главного попечителя калмыцкого народа по делам веры, только правовая норма, отраженная в статье 205, регулировала процесс строительства культовых сооружений в Калмыцкой степи. Согласно этому документу, законодатель распределил обязанности по делам веры между Палатой государственных имуществ и Ламой калмыцкого народа. В случае возникновения необходимости в ремонте культовых объектов и строительстве новых, соответствующие вопросы подлежали согласованию в рамках установленной компетенции указанных инстанций (Положение об управлении, 1848: 366). Затем, администрация хурула направляла ходатайство на рассмотрение Ламы калмыцкого народа. При его одобрении, обращение поступало в Палату государственных имуществ. На этом этапе формировался пакет проектно-сметной документации, включавший план, смету и фасад. Последний как документ имел в Российской империи особое значение — он не только фиксировал внешний облик сооружения, но и служил своего рода визуальным подтверждением соответствия постройки, утвержденным архитектурным и градостроительным нормам. В первой половине XIX в. основным требованием в строительстве казенных зданий являлась жесткая регламентация их внешнего вида, категорически не разрешалось отступление от утвержденных фасадов. А вот для частных построек законом допускались отклонения, при которых застройщик мог предложить свой вариант, но при условии его утверждения местными властями, как отмечает И. Г. Пирожкова, «на свой страх и риск» (2006: 11).

В начале XX в. наблюдается послабление требований в отношении фасадов, в особенности на окраинах империи, где необходимо было в строительстве учитывать этнический или конфессиональный аспект. Но требования по оформлению документации сохранялись. Так, проектные чертежи выполнялись на бумаге размером 35,05*20,32 см и наклеивались на коленкор (Золоторева, 2007: 77). При строительстве хурула данное условие соблюдалось, о чем свидетельствуют передний, поперечный и продольный вид фасада деревянного буддийского храма на каменном фундаменте с условными обозначениями в цветовой гамме, разработанный губернским архитектором В. Б. Вальдовским-Варганек. Так, желтым цветом на чертеже выделяли контуры стен, отдельные балки, колонны и элементы кровли (НА РК. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 355. Л. 27-28). Это позволяло визуально разграничить детали конструкции, и облегчало работу специалисту, составлявшему смету.

Сметная документация включала детализированный расчет строительства от фундамента и стен до кровли, окон, дверей, печей, кровельных работ, а также затраты на доставку материалов, оплату труда мастеров (каменщиков, плотников, печников, кровельщиков). Так, смета на постройку деревянного хурула на каменном фундаменте в Ики-Чоносовском родовом обществе южной части Малодербетовского улуса включала земляные, плотничные, кровельные, конопатные и печные работы. На 17 сентября 1903 г. стоимость строительства по расчету губернского архитектора, по справочным ценам на работы и материалы, составила 10 000 руб. (НА РК. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 355. Л. 23–26 об.).

По завершении процедуры подготовки проектно-сметной документации Палата государственных имуществ входила с представлением к главному попечителю калмыцкого народа, который до 1897 г. являлся последней инстанцией в процедуре утверждения прошения на ремонт или строительство культовых объектов в Калмыцкой степи. Согласно одобренному императором предложению министра государственных имуществ А. С. Ермолова о временном возложении обязанностей главного попечителя калмыцкого народа на астраханского губернатора, во главе инородческой администрации стал заведывающий калмыцким народом, подчиненный астраханскому губернатору. В последующем данное положение получило законодательное оформление, соответственно всякое одобрение главного попечителя калмыцкого народа заменялось мнением губернатора. Так, на смете строительства хурула в Ики-Чоносовском роде южной части Малодербетовского улуса стоит резолюция губернатора М. А. Газенкампа «Утверждаю».

В абсолютном большинстве подрядчиками выступали крестьяне близлежащих сел. В Ики-Чоносовском родовом обществе, к примеру, подряд на строительство, согласно акту приема и сдачи, получил крестьянин села Песковатки Саратовской губернии Константин Дерябкин. Прием данного объекта осуществляла комиссия в составе губернского архитектора В. Б. Вальдовского-Варганека, помощника попечителя улуса А. Г. Мещерякова и аймачного старшины Урубжура Аджугаева.

Законодателем предусматривалось условие согласованного строительства о не привлечении денежных средств по дополнительной добровольной раскладке населения, а прямо оговаривалось — «в зависимости от состояния хурульного капитала» (Положение об управлении, 1848: 366), т. е. власти не допускали добровольные пожертвования со стороны населения, а любые работы проводились исключительно за счет денежных средств духовенства.

Немаловажным обстоятельством выступает тот факт, что диспозиция правовой нормы, оговоренной в статье 205, не предусматривает строительство таких культовых объектов, как цаца или субурган и других. Исходя из делопроизводственной практики Управления калмыцким народом, следует, что положение вышеозначенной статьи было дополнено главным попечителем калмыцкого народа И. С. Картелем, что обсуждалось 8 июня 1890 г. на общественном сходе Яндыковского улуса. Правитель улуса зайсанг Улюмжи Замбаев объявил собравшимся участникам схода о предписании главного попечителя от 22 марта 1890 г. за № 1301, согласно которому «дома для хурула, цаца и молельни были воздвигаемы не иначе как с разрешения начальства». К сожалению, на данном этапе выявить текст указанного предписания не удалось. Можно предположить, что основная суть документа соответствовала

требованию статьи 204 «Положения об управлении калмыцким народом», согласно которой Палата государственных имуществ обязывалась определить количество хурулов во всех улусах, так же как и численность духовных лиц, и в дальнейшем осуществляла контроль, не допуская изменений в сторону увеличения их числа.

Расширенный список культовых объектов, строительство которых требовало согласования начальства, вызвал недоумение собравшихся на общественном сходе Яндыковского улуса. В ходе обсуждения прозвучала необходимость постройки, продиктованная «правилами нашей религии, — только для хранения в них старых бурханов, номов и кюрдов (священный круг), так как законом нашей религии воспрещается бросать их в воду и на землю; молящие могут также зажигать в них, когда и лампадку» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 36. Л. 2 об). При этом отмечалось, что подобные сооружения незначительны по своим размерам, «обыкновенно в длину и ширину приблизительно всего в 1 сажень и менее» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 36. Л. 3), т. е. всего 4,5 кв. м. Соответственно возникшие условия, согласно упомянутому предписанию, не будут способствовать этому строительству, так как многие калмыки «во избежание хлопот и расхода должны будут отказаться от своего намерения». Исходя из приведенных аргументов, общество ходатайствовало об установлении прежнего порядка по этому предмету (НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 36. Л. 5 об).

Только в мае 1891 г. последовал ответ Управления калмыцким народом на прошение общества Яндыко-Мочажного улуса, в котором указывалось, что устройство пацы, величиной не более одной квадратной сажени, допускается с уведомления улусного управления, без особого на то разрешения главного попечителя. Таким образом, приведенный случай свидетельствует, что предписание допускало строительство небольших культовых объектов без одобрения главного попечителя.

Имперская политика по сокращению численности буддийского духовенства в Калмыцкой степи обусловила активные поиски представителями общины способов сохранения своих позиций и поддержания религиозно-институциональной устойчивости. Стремясь нивелировать ограничительные меры государства, духовенство и связанные с ним родовые структуры прибегали к различным тактикам, позволявшим обосновать необходимость строительства или ремонта культовых объектов либо легализовать уже существующие постройки.

Одной из распространенных тактик легитимации культового строительства стало обращение к значимым событиям, связанным с императорской семьей. В практике имперского культового строительства нередко встречались случаи возведения храмов и хурулов как выражение верноподданнических чувств и благодарности императору и членам его семьи. Так, 10 июля 1866 г. Лама калмыцкого народа Габунг Зунгру Бучеев «в честь спасения императора Александра II» обратился к главному попечителю калмыцкого народа К. И. Костенкову (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 122. Л. 2). В своем обращении Лама, выражая волю духовенства всех улусов, ходатайствовал о возможности установить в большом Сангак-Чонкорлинг хуруле бурхана во имя Далай-ламы. По утверждению В. В. Батырова, «Сангак Чонкорлинг большой хурул являлся родовым хурулом дунду-хурулова и шебенерова родов» (2016: 118). Предполагалось, что этот бурхан будет ежегодно выноситься из хурула для поклонения народа в день памятного события 4 апреля. 7 сентября

1866 г. канцелярия Министерства государственных имуществ уведомила К. И. Костенкова об объявлении монаршей благодарности ламе и духовенству калмыцкого народа, соответствующее распоряжение было подписано министром Н. А. Зелёным (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 122. Л. 5).

19 декабря 1896 г. астраханский губернатор, генерал-лейтенант М. А. Газенкампф направил представление министру внутренних дел И. Л. Горемыкину о разрешении возвести молитвенную калмыцкую кибитку для ежедневного совершения богослужений «о здравии и благоденствии их императорских величеств и всего царствующего дома» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 217. Л. 2–2 об). Основанием послужило прошение гецуля Второго Большого Чонкорлинг-хурула Икицохуровского улуса Леджина Ходжигорова, обратившегося к главному попечителю калмыцкого народа Ф. А. Агафонову. Строительство предполагалось осуществить на собственные средства, обустроив всеми необходимыми ритуальными принадлежностями, и посвятить восшествию на престол и священной коронованию их императорских величеств.

21 января 1897 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий уведомил министра земледелия и государственных имуществ об удовлетворении прошения Леджина Ходжигорова. И уже 9 мая заведывающий Икицохуровским улусом П. И. Иванов рапортом доложил в Управление об обряде освящения молитвенной кибитки, который начался «с 6 часов вечера 5 мая и окончен около 3 часов дня 6 мая».

В июне того же года на стол министру земледелия и государственных имуществ легло очередное прошение калмыков о строительстве буддийского объекта, но уже с целью увековечения памяти императора Александра III. Инициатором выступил калмык Мандженкинова рода южной части Малодербетовского улуса Умке Очиров Цембилев, который выразил желание воздвигнуть сюме на урочище Шаради Хапхачи для Раши Донороб малого хурула. В течение июля месяца руководители двух министерств обозначили свою положительную позицию, и уже 11 августа по результатам доклада императору Николаю II, представленного министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым, последовало высочайшее соизволение.

Подобные формулировки в прошениях придавали инициативе характер верноподданнического акта, что нередко смягчало позицию администрации и повышало шансы на получение разрешения на обустройство тех или иных культовых сооружений.

Помимо этого, улусные и родовые общества задействовали и иные стратегии. Так, для ускорения согласования работ они нередко опирались на механизмы общинного самоуправления: решения о строительстве фиксировались в аймачных приговорах, где подчеркивалась единогласная поддержка проекта со стороны выборных от кибиток, хотонных старост и родовых старшин. Все это демонстрировало властям общественную значимость объекта и снижало риски трактовки инициативы как узкогрупповой. В финансовых вопросах активно использовались комбинированные схемы привлечения средств, т. е. помимо целевых отчислений из сумм за выпас скота, общины мобилизовали внутренние ресурсы, в том числе добровольные взносы духовенства, родовых лидеров и рядовых членов общества, а в отдельных случаях прибегали и к краткосрочным займам у состоятельных сородичей.

Еще одним распространенным приемом было акцентирование на «практической необходимости» и «устранении неудобств» для верующих, например, в прошениях подробно описывались трудности, с которыми сталкивались калмыки по причине удаленности действующих хурулов, и подчеркивалась потребность в локальном культовом объекте для удовлетворения базовых религиозных нужд. Такая аргументация позволяла представить строительство не как расширение влияния духовенства, а как меру, направленную на поддержание порядка и стабильности в общине. Наконец, в ряде случаев общины стремились опереться на прецеденты и ранее выданные разрешения, при которых ссылки на уже одобренные проекты в соседних родах или улусах, а также распоряжения вышестоящих инстанций помогали обосновать справедливость аналогичных ходатайств.

Не менее значимым инструментом адаптации становились и неформальные практики, при которых использовались пробелы в административном контроле, опора на связи с местной администрацией, а также акцентирование внимания на социально-благотворительной роли хурулов, включая просветительские и медицинские функции, которые нередко брали на себя отдельные представители духовенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе практической деятельности калмыцкая буддийская община выработала комплекс тактик, позволявших легитимизировать культовое строительство и минимизировать административные риски:

- верноподданническая легитимация: привязка прошений к значимым событиям в жизни императорской семьи (например, спасение Александра II или коронация Николая II). Это придавало инициативе характер акта лояльности и соответственно существенно затрудняло отказ властей;
- общинная солидарность: оформление решений через аймачные приговоры с фиксацией единогласной поддержки выборных представителей и старост, что демонстрировало властям общественную значимость объекта;
- комбинированное финансирование: сочетание хурульного капитала, добровольных взносов духовенства и мирян, а также займов у состоятельных сородичей. Это позволяло обходить запреты на принудительную раскладку средств;
- практическая аргументация: делался акцент на удаленность действующих хурулов от мест постоянного проживания населения, обусловивший существенные неудобства для мирян в отправлении своей веры. Тем самым вопрос переводился из плоскости «расширения влияния духовенства» в плоскость «поддержания социального порядка».
- прецедентная аргументация: ссылки на ранее одобренные проекты в соседних родах и улусах.
- неформальные практики: использование пробелов в административном контроле через личные связи с местной администрацией, а также акцентирование на просветительских и медицинских функциях хурулов.

Подобные стратегии не были стихийными: они сформировались на стыке буддийской канонической традиции, например, запрета на осквернение священных предметов, и имперской административной практики. Община успешно освоила

бюрократический инструментарий империи, используя его для защиты своих интересов. Это существенно корректирует сложившееся в советской историографии представление о буддийской церкви Калмыцкой степи как о пассивном объекте имперского воздействия.

Вместе с тем адаптивные возможности общины не были безграничны. Имперское регулирование последовательно сужало пространство для инициативы: от полного отсутствия норм через формализацию процедуры к расширению круга подконтрольных объектов и ужесточению финансового контроля. Ключевым инструментом оставалось не прямое запрещение, а административная задержка (требование многократного согласования в ходе подготовки проектной документации), вызывавшая дополнительные финансовые затраты и, в конечном итоге, приводившая к отказу самой общины от строительства религиозных объектов. Именно бюрократическая сложность (а не явный запрет) становилась эффективным механизмом ограничения властей.

В условиях давления со стороны имперских властей буддийская община Калмыцкой степи демонстрировала гибкость и способность к институциональной самоорганизации, стремясь не только сохранить, но и по возможности укрепить свое положение в конфессиональном и социальном пространстве региона.

Буддийское духовенство в Калмыцкой степи выполняло функцию «хранителей веры» не только в религиозном, но и в социальном смысле. Оно поддерживало традиции, служило каналом передачи власти и авторитета аристократии, а также выступало посредником между общиной и государством. Калмыцкая аристократия, в свою очередь, обеспечивала материальную и институциональную поддержку духовенству, сохраняя тем самым свое влияние даже в условиях имперского регулирования.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена с использованием гранта, предоставленного Фондом содействия буддийскому образованию и исследованиям по теме: «Хранители веры: буддийская традиция и калмыцкая аристократия», эл. ссылка на грант: <https://buddhistfund.ru/image/Победители%20конкурса%20по%20поддержке%20научных%20исследований%20по%20буддологии%20и%20переводов%20буддийских%20текстов%202026-1.pdf>

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING

The article was prepared using a grant provided by the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research on the topic: «Guardians of the Faith: Buddhist Tradition and the Kalmyk Aristocracy», e-link to the grant: <https://buddhistfund.ru/image/Победители%20конкурса%20по%20поддержке%20научных%20исследований%20по%20буддологии%20и%20переводов%20буддийских%20текстов%202026-1.pdf>

Литература и источники

Бадмаева, Е. Н. (2026). От декрета до разгона: эволюция советской религиозной политики в отношении буддийского образования (на примере «Цанит Чоре»). Часть I. — 1920-е гг. *Кочевая цивилизация: исторические исследования*. 6. 2. 28–42.

Бакаева, Э. П. (1994). *Буддизм в Калмыкии: Историко-этнографические очерки*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

Басхаев, А. Н. (2007). *Буддийская церковь в Калмыкии: 1900–1943 гг.* Элиста: «Джангар».

Батыров, В. В. (2016). *Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX в.* Элиста: КИГИ РАН.

Бурчинова, Л. С. (1977). Ламаистская церковь Калмыкии в системе российской государственности: разработка правового статуса калмыцкого духовенства в первой половине XIX в. *Ламаизм в Калмыкии*. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка и литературы. 26–33.

Дорджиева, Г. Ш. (2001). *Буддийская церковь Калмыкии в конце XIX- первой половине XX в.* М.: Институт российской истории РАН.

Житецкий, Ир. А. (1893). *Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. (с 12 таблицами рисунков и фототипий)*. Москва: Типография М. Г. Волчанинова, Большой Чернышевский пер., дом Пустошкина, против Английской церкви.

Золоторева, М. В. (2007). Регламентация проектной и строительной деятельности в конце XIX в. *Строительная механика строительных и инженерных конструкций и сооружений*. 4. 77–80.

Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии, с картой Калмыцкой степи составил главный попечитель калмыцкого народа, генерал-майор К. Костенков (1870). СПб.: Издательство Министерства государственных имуществ.

Карагодин, А. И. Калмыцкое духовенство в XVII–первой половине XIX вв. *Вопросы истории ламаизма в Калмыкии*. Элиста: Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка и литературы. 1987. 5–23.

Команджаев, А. Н., Инджиева, Б. М., Шиханов, Н. А. (2023). Из жизни калмыцкого духовенства в конце XIX–начале XX в. *Каспийский регион: политика, экономика и культура*. 4 (77). 60–71.

Курапов, А. А. (2021). *Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII–начале XX в.* Элиста: КалмНИЦ РАН.

Лиджиева, И. В. (2023). Социально-демографический анализ состава корпуса главных попечителей калмыцкого народа в позднимперский период. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 4 (68). 943–961. DOI:10.21638/spbu02.2023.409

Лиджиева, И. В. (2026). Традиции буддийского образования в Калмыкии начала XX в.: опыт организации и деятельности высшей духовной школы «Цанит-Чоре». *Кочевая цивилизация: исторические исследования*. 6. 2. 9–27.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Небольсин, П. (1852). *Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным*: Приложение: 1. Карта — 2. Изображения тамог. СПб.: Типография Карла Крайя,

Нефедьев, Н. А. (1834). *Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым*. СПб.: Типография К. Крайя.

Пирожкова, И. Г. (2006). «Образцовый» фасад как портативный источник регулирования градостроительства в Российской империи. *Вестник Томского государственного университета*. (43). 10–12.

Позднеев, А. М. (1887). Калмыцкие хурулы и их утвари. *Астраханские епархиальные ведомости*. 16. 654–669.

Положение об управлении калмыцким народом 23 апреля 1847 г. (1848). *Полное собрание законов Российской империи* — 2. XXII. 1. 21144. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Положение об управлении калмыцким народом 24 ноября 1834 г. (1836). *Полное собрание законов Российской империи* — 2. X. 2. Прибавление к т. IX. 7560 а. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 18–40.

Правила для управления калмыцкого народа 10 марта 1825 г. (1830). *Полное собрание законов Российской империи* — 1. XL. 30.290. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 155–161.

Синицын, Ф. Л. (2013). *Красная буря. Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг.* СПб.: издательство А. Терентьева и Фонда «Сохраним Тибет».

Эрдниев, У. Э. (1980). *Калмыки: Историко-этнографические очерки.* Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

References

Badmaeva, E. N. (2026). From decree to dispersal: the evolution of Soviet religious policy regarding Buddhist education (on the example of «Tsanit-Chore»). Part I. — 1920s. *Nomadic Civilization: Historical Studies*. 6. 2. 28–42 (in Russian).

Bakaeva, E.P. (1994). *Buddhism in Kalmykia: Historical and ethnographic essays*. Elista: Kalmyk Book Publishing House (in Russian).

Baskhaev, A. N. (2000). *The Buddhist Church in Kalmykia: 1900–1943* Elista: “Dzhangar” (in Russian).

Batyrov, V.V. (2016). *Essays on the history of traditional culture of Kalmyks in the second half of the 19th century*. Elista: KIGI RAS (in Russian).

Burchinova, L. S. (1977). Lamaist Church of Kalmykia in the system of Russian statehood: the development of the legal status of the Kalmyk clergy in the first half of the XIX century. *Lamaism in Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language and Literature. 26–33 (in Russian).

Dordjieva, G. S. (2001). *The Buddhist Church of Kalmykia in the late 19th–first half of the 20th century*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Erdniev, U. E. (1980). *Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays*. Elista: Kalmyk Book Publishing House (in Russian).

Historical and statistical information about Kalmyks wandering in the Astrakhan province, with a map of the Kalmyk steppe, was compiled by the chief trustee of the Kalmyk people, Major General K. Kostenkov. St. Petersburg: Publishing House of the Ministry of State Property (in Russian).

Karagodin, A. I. 1987. Kalmyk clergy in the XVII–the first half of the XIX centuries. *Questions of the history of Lamaism in Kalmykia*. Elista: Elista: Kalmyk Research Institute of Language and Literature. 5–23 (in Russian).

Komandzhaev, A. N., Indzhieva, B. M., Shikhanov, N. A. (2023). From the life of the Kalmyk clergy in the late 19th and early 20th centuries. *The Caspian region: Politics, Economics and Culture*. 4 (77). 60–71 (in Russian).

Kurapov, A. A. (2021). *The Russian State and the Buddhist Church in Southern Russia: the stages of the evolution of socio-political interaction in the XVII–early XX century*. Elista: KalmSC RAS (in Russian).

Lidzhieva, I.V. (2023). Socio-demographic analysis of the composition of the corps of the main trustees of the Kalmyk people in the late imperial period. *Bulletin of St. Petersburg University. History*. 4 (68). 943–961. DOI:10.21638/spbu02.2023.409 (in Russian).

Lidzhieva, I. V. (2026). Traditions of Buddhist education in Kalmykia at the beginning of the 20th century: experience in organizing and operating the Higher Theological School «Tsanit-Chore». *Nomadic civilization: historical studies*. 6. 2. 9–27 (in Russian).

Nebolsin, P. (1852). *Essays on the life of the Kalmyks of the Khoshchoutovsky ulus, compiled by Pavel Nebolsin*: Appendix: 1. Map–2. Tamog images. St. Petersburg: Printing house of Karl Kray (in Russian).

Nefediev, N. A. (1834). *Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot by N. Nefedyev*. St. Petersburg: Printing house K. Kraya (in Russian).

Pirozhkova, I. G. (2006). “Exemplary” facade as a portable source of urban planning regulation in the Russian Empire. *Bulletin of Tomsk State University* (43). 10–12 (in Russian).

Pozdneevev, A. M. (1887). Kalmyk khuruls and their utensils. *Astrakhan diocesan sheets*. 16. 654–669 (in Russian).

Regulation on the management of the Kalmyk people on April 23, 1847 (1848). *Complete collection of laws of the Russian Empire — 2. XXII*. 1. 21144. St. Petersburg: Printing house of the II Branch of His Imperial Majesty’s Chancellery (in Russian).

Regulation on the management of the Kalmyk people on November 24, 1834 (1836). *Complete collection of laws of the Russian Empire — 2. X*. 2. Addition to vol. IX. 7560 a. St. Petersburg: Printing house of the II Branch of His Imperial Majesty’s Chancellery. 18–40 (in Russian).

Rules for the management of the Kalmyk people March 10, 1825 (1830). *Complete collection of laws of the Russian Empire — 1. XL*. 30.290. St. Petersburg: Printing house of the II Branch of His Imperial Majesty’s Chancellery. 155–161 (in Russian).

Sinitsyn, F. L. (2013). *Red Storm. Soviet state and Buddhism in 1917-1946*. St. Petersburg: publishing house of A. Terentyev and the Save Tibet Foundation (in Russian).

The National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK).

Zhitetsky, Ir. A. (1893). *Essays on the Life of the Astrakhan Kalmyks*. Ethnographic Observations from 1884 to 1886 (with 12 tables of drawings and phototypes). Moscow: M. G. Volchaninov Printing House, Bolshoy Chernyshevsky Lane, Pustoshkin House, opposite the English Church.

Zolotareva, M. V. (2007). Regulation of design and construction activities at the end of the XIX century. *Construction mechanics of building and engineering structures and structures*. 4. 77–80.